

Для счастья нужна либо чистая совесть, либо чистое отсутствие совести.

Огден Нэш,  
*«Меморандум для внутреннего использования»*

...в старину такие развлечения, как бродяжничество, убийства и грабежи, сочетавшие в себе здоровый моцион с верным средством поправить расстроенное состояние, являлись одновременно и благородным промыслом, и полезным отдыхом...

Чальз Диккенс,  
*«Жизнь и приключения Мартина Чезлвита»*

## ВМЕСТО ПРОЛОГА

Этим четверым было неуютно под его колючим взором: кто-то смотрел в пол, кто-то в потолок или в сторону, один и вовсе закрыл глаза. Все пришли, он не ошибся — убийца действительно среди них. Или существует сговор? Возможно. Хотя скорее всего убийца — одиночка, а остальным просто интересно, кто же решился на такой очевидный для всех шаг.

— Мне наплевать на то, кто из вас убил нашего общего друга. Где мои два миллиона долларов?

Ему было приятно видеть на их лицах пусть и мимолетный, но испуг.

— Я повторяю свой вопрос: где мои два миллиона долларов, которые один из вас отобрал у своей жертвы?

Ответа не последовало.

— Какой цинизм! Убить школьного друга на школьном же юбилее! Но заметьте, я вас не стыжу. Я просто хочу вернуть свои два миллиона долларов.

Он нарочно снова и снова повторял эту цифру, заставляя их напрягаться. Они должны чувствовать, что речь идет не об абстрактных деньгах, а о вполне конкретной сумасшедшей сумме, за которую их готовы разорвать. И эта сумма не позволяет им усомниться в своей печальной участи. Один из них предъявил бывшему однокласснику смертельный счет к оплате, теперь он тоже должен заплатить по счету. В противном случае заплатят все четверо.

## КНИГА 1

Москва, 1997 год

### 1

Особенный день в жизни девятого вице-президента банка «Лавина» Артура Николаевича Васканяна начинался как и все прочие. Без сюрпризов.

Собранный в Гонконге армейский будильник звериным рыком привычно сбросил Васканяна с кровати на пол, предусмотрительно укрытый толстым пепельно-серым паласом. Киллер с циферблатом, созданный человеком не иначе как с подсказки нечистого. Ему положено было сводить с ума целые батальоны, но мазохист Артур Васканян стойко переносил эту пытку в одиночку, не находя в себе сил выбросить монстра в помойное ведро. В порядке самооправдания Васканян приводил два слабых довода: с ним никогда не проспичь, и он мобилизует на весь день. И здесь Артур не лукавил: желание доспать, подремать или просто поваляться пропадало даже зимой. Причем пропадало оно не только у него, но и у соседей. Из-за постоянных жалоб Васканяну даже пришлось купить новые пластиковые окна, однако в теплое время года их приходилось открывать, и жалобы возобновлялись. Будильник был презентован Васканяну бывшей женой почти перед самым разводом, за неделю или две. Прощальный дар коварного кентавра. Инесса, видимо, хотела не только оставить о себе вечную память, но и отравить этой памятью остаток его дней. И Артур принял вы-

зов, полагая, что эти милые часики удержат его от вторичной опрометчивой женитьбы.

Встав с паласа, Васканян с не до конца раскрытыми глазами энергично промаршировал в ванную, свое любимое помещение в квартире. Ни одной комнатой он не занимался с такой любовью, ибо высшим из доступных человеку наслаждений считал погружение в доведенную до сорока градусов воду. Строители, делавшие ремонт, сразу поняли, что к ванной у заказчика особо трепетное отношение, поэтому при ее отделке постарались. И разноцветную плитку со сложным рисунком и двойным бордюром уложили ровно и с первого раза, и саму ванну с раковиной установили на славу, и гальванику привинтили как положено. В остальной части квартиры, ослепив Артура ванной, они откровенно схалтурили: где-то уже отошли обои, где-то слегка вздулся паркет и так далее. Но ванная была хороша.

В течение минуты Артур принимал прохладный душ, потом тщательно соскабливал с лица унаследованную от кавказских предков по отцовской линии жесткую щетину, кропотливо полоскал зубы дезинфицирующим раствором, а затем не без раздражения приступил к укладке своих заметно пордевших иссиня-черных волос при помощи геля.

Вообще, после развода собственная внешность некоторое время была ему безразлична. Однако, искусственно пытаясь создать для себя подобие свободы во всем, он достаточно быстро ощутил желание продолжать нравиться женщинам, особенно румяным блондиночкам, кои вдруг во множестве стали появляться у него на работе. Вероятно, вкусы нового начальника кадровой службы неожиданно совпали с его вкусами. Артур, как типичный армянин из анекдотов, всегда тяготел к светлым женщинам «немножко в теле», хотя, преодолевая этот национальный комплекс, женился на худощавой брюнетке. За что и поплатился.

Не одеваясь, нагишом, он побрел в семиметровую кухню, в которой преобладали перламутровые тона, там извлек из огромного, но неизменно полупустого холодильника стакан

апельсинового сока и большой двойной бутерброд с пошехонским сыром и проглотил все это стоя, не особенно утруждая себя тщательным пережевыванием. До семи лет он не брал сыра в рот. Но однажды (и этот случай всегда рассказывает его мама) он посмотрел по телевизору чешский мультфильм про туповатого кота Мирмура, у которого забавный мышонок выманил кусок сыра, прикинувшись умирающим и повторяя одну и ту же фразу «меня от смерти может спасти только сыр». Маленький Артурчик под впечатлением от этого блокбастера прибежал к маме и заорал:

— Мам, у нас есть дома сыр?

— Конечно! — удивилась мать.

— Если бы не было, я бы ел! — сообщил ребенок. Все присутствовавшие рассмеялись и хором наперебой стали уговаривать дитя попробовать. Уговорили на всю жизнь. Артур перепробовал сотни сортов сыра, включая французские и итальянские деликатесные, но его сердце и желудок принадлежали пошехонскому. «Вот такой я урод, — говорил он продавщицам в продмагах, когда они сообщали, что пошехонского нет, и предлагали массу других сортов, — не могу без пошехонского».

Позавтракав, Артур с особым удовольствием принялся за свой туалет, намереваясь сегодня надеть всё новое: и костюм, и галстук, и сорочку, и ботинки, не говоря уже о носках и белье. Даже портфель купил накануне, дорогой итальянский, из хорошей кожи. Артур любил обновления в особенные дни, имея на практике несколько удачных примеров везения при наличии такого сочетания. В его банке люди одевались по-разному, но в массе своей плохо. Кому-то не хватало средств на добротные вещи, кому-то вкуса, а кто-то и вовсе рассматривал работу только как работу, поэтому всем своим внешним видом демонстрировал пренебрежение.

Васкания был не таков. Считая себя классическим банковским работником, он постоянно держал в своем гардеробе полдюжины костюмов, только однобортных, черного, серого или темно-синего цвета, плюс блейзер на случай какой-нибудь

вечеринки. Сорочки он носил однотонные, белые или голубые, никакой полоски, в гармонии с ними подобраны были и многочисленные галстуки строгих расцветок (с преобладанием темных оттенков) и классических рисунков (геометрические фигуры, полоска, мелкие «огурцы»). Ботинки, само собой, только на шнурках. Недавним советским людям еще только предстояло понять разницу между оксфордами, дерби и брогами.

Хотя зрение у Артура было прекрасное, он изредка демонстрировал окружающим очки в изящной оправе «данкилловской» коллекции. Часы — золотой «Брайтлинг» с изящным кожаным ремешком, но не на вылом глаз. Артур не очень разбирался в часах, но точно слышал где-то, что «Ролекс» — это похабно. Пижон, говорили о Васканыне, но тут же добавляли: зато какой. Все бы хорошо, но Артур настолько небрежно носил вещи, что они весьма скоро приходили в непотребное состояние, мялись, заляпывались принципиально непосильными для химчистки пятнами. Нужно было регулярно покупать что-то новое.

Его неряшливость вкупе с необязательными затратами больше всего раздражали Инессу, аккуратистку-перфекционистку. И, как нередко бывает, именно на этой почве не сложились отношения невестки со свекровью. Мамочка Артура искренне считала, что Инесса вытацила счастливый лотерейный билет, а та без стеснения кричала, что не подписывалась на роль няни и домработницы. Пока жив был папа Артура, он сдерживал супругу от вмешательства в жизнь молодых, но после его смерти... Кончилось тем, чем кончилось.

Осмотрев себя в зеркале, Артур отметил безупречность своего облика и мысленно пожелал себе ни пуха ни пера, так же мысленно отправив самого себя к черту. Еще на мгновение задержавшись у зеркала, он подумал, что даже такой краткий и банальный обмен фразами лучше производить между двумя людьми, а не в одиночестве. Бывшая жена в приметы не верила и удачи обычно не желала, считая, что «кто хочет — тот добьется, кто ищет — тот всегда найдет». Артур относил себя к фаталистам, но от суеверий не отказывался.

Сдув последние пылинки с плеч, Васканян подхватил портфель, проверил наличие в кармане ключей от машины, запер входную дверь на все три замка и спустился пешком, поскольку не хотел в такой день застрять в лифте.

## 2

Васканян в это утро избежал придирчивых гаишников и дорожных пробок, на удивление легко проскочив все традиционно опасные места большого скопления машин, в чем усмотрел знак благоволения свыше. Метров за триста до конца маршрута появилась было опасность застрять, против чего Артур, может, и не возразил бы, учитывая, что рядом с его бордовой «Тойотой» встали вишневые «Жигули» с премиленькой улыбочливой полной блондиночкой за рулем, но не случилось — поток почти сразу восстановил движение. Артур и девушка успели только обменяться взглядами, что не сулило продолжения романа: с первого взгляда в Васканяна еще никто не влюблялся. Хотя, впрочем, была одна категория женщин, на которую он производил неизгладимое впечатление обликом и манерами. Женщины из сферы обслуживания: парикмахерши, дамы из химчисток и прачечных, официантки и — реже — продавщицы в промтоварных магазинах, причем ближе к тридцати и старше. Эти видели в нем удачливого мужчину с деньгами и без традиционной пагубной страстишки к алкоголю, столь свойственной мужчинам их круга. Но подобное общество Артура не интересовало.

Сегодня у него появился наконец реальный шанс стать сильным, независимым и достаточно крупным руководителем. Он так долго и настойчиво, наступая на горло собственным разовым меркантильным интересам, шел навстречу этой возможности, что мог позволить с уверенностью сказать себе: заслужил.

В свои тридцать лет он по праву считался специалистом самого широкого рыночного профиля. Окончив Московский фи-

нансовый институт, кузницу кадров для Центрального банка и Минфина, он мог, воспользовавшись протекцией тогда еще живого и влиятельного отца, устроиться в приличное внешне-торговое объединение, поездить по разным странам и сделать неплохую карьеру. Для этого у Артура, помимо связей отца, были диплом с отличием, светлая голова, неплохая эрудиция и приличное знание английского (со спецшколы).

Но юноша, никогда не боявшийся трудностей, неожиданно возомнил себя пионером зарождающегося предпринимательского класса и ударился в кооперативное движение. Сперва Артур увлекся торговлей пирожками на улице и одновременно с этим открыл видеопрокат вместе с приятелем по институту. Затем по разряду компьютерной торговли он попал на начало бума по продаже оргтехники. В качестве взноса в кооператив Артур отдал совокупный подарок мамы, папы и родственников из Армении к окончанию института, а также все свои накопления от видеопиратства — три тысячи рублей. Через полгода квартиру, в которой располагался офис кооператива, сожгли. Но это были не конкуренты и не рэкетеры, а обитавший по соседству отставной пролетарий — пьяница, «идейный поджигатель», по случаю демократии лишенный почетной обязанности отбывать срок в лечебно-трудовом профилактории. Васканян двинулся на рынок продовольствия и занялся оптовой скупкой продукции мясокомбинатов с последующей ее перепродажей через розничные точки. Накрутив еще немного денег в этой полубандитской среде, он предпочел побыстрее уйти, поскольку его главного партнера в этом начинании быстро пустили «под нож» другие «мясники». Ввиду «значительного» опыта Васканяна в торговле, где в новых условиях хозяйствования год шел за пять, его взяли директором одного из магазинов, продававших малазийскую оргтехнику и дешевые канцелярские принадлежности. Продукция пользовалась большим спросом у мелких бизнесменов и уходила влет. На щедрых премиях от продаж Артур в денежном смысле разжирел. Но работодатель погряз в долгах, и Васканян сбежал в новое перспективное направление — ваучерную приватизацию.



Именно там он сделал первые по-настоящему заметные деньги. Сперва торговал наличными приватизационными чеками, в народе именуемыми ваучерами, на бирже, где быстро усвоил главную истину: чеки надо продавать по цене чуть выше среднерыночной, это самое «чуть выше» оставить лично себе, а «среднерыночное» отдать хозяину. Затем Артура перебросили уже на инвестиционное направление — отбирать интересные для приобретения акции продаваемых государством предприятий.

Там он провернул первую свою крупную аферу: воспользовавшись поддельными документами о депонировании крупной партии ваучеров своего инвестиционного фонда под аукционные торги, на деле прокручивал их исключительно в своих интересах. В результате его фонд проиграл все аукционы, поскольку в действительности в них не участвовал. Справедливости ради, фонд и не выиграл бы, поскольку скупердьяи-руководители выставляли заведомо низкие и непроходные цены. Вот Васканыя и рассудил: зачем ваучеры будут лежать без дела, когда могут поработать на него... Вскоре Артур, нагруженный небольшим личным состоянием, покинул чековый фонд из-за реально бедственного положения последнего и предвидя проблемы со вкладчиками, все более загорававшимися желанием потребовать за каждый внесенный ими ваучер по два автомобиля «Волга», которые неосторожно пообещал главный государственный «приватизатор» Чубайс.

Потом Артур вложил изрядное количество средств в перегонку иномарок из-за рубежа, с чего тоже снял свои сливки, а заодно прокредитовал мелкооптового торговца сигаретами и водкой, получив изрядные проценты по этой ссуде. Таким образом, Васканыя за очень короткий срок успел поучаствовать практически во всех новых доходных предприятиях, за исключением, по его собственным словам, частной детективной деятельности, страхования и организации казино и тотализатора.

Итогом такого полета фантазии стали приличные деньги, разнообразные и полезные связи, а также твердая уверенность

ность в собственной удачливости и покровительстве свыше. Однако Артур устал метаться и искренне хотел найти постоянное место, способное обеспечить ему возможность эффективно использовать свои мозги и свою энергию и получать за это стабильный доход, не рискуя собственным здоровьем. Все это по тем временам могли дать только банки. Одним из таких банков была «Лавина».

### 3

Весело насвистывая, Артур припарковался на хорошо оборудованной стоянке возле здания давно ставшего ему родным банка «Лавина». Само здание было огромным и неуклюжим, целых восемь этажей, в прошлом принадлежавших Научно-исследовательскому институту каких-то излучений. Название едва ли было сейчас важно, поскольку табличка, свидетельствующая о нахождении здесь института, исчезла задолго до появления Васканяна. Банк купил тот институт в процессе приватизации ради здания, разогнал всех сотрудников, и теперь здесь что-то излучали только деньги и самодовольные рожи банкиров.

Сейчас здание выглядело по-другому, как снаружи, так и изнутри. Его покрасили в модные бело-желтые цвета, вставили новые тонированные стекла, отделали подъезды, отремонтировали старые лифты и добавили пару новых, восстановили ступеньки на лестницах, заменили перила, окрасили стены, развесив по ним современную недорогую живопись, а на крыше водрузили огромную неоновую вывеску.

Глядя на здание банка, Артур всякий раз вспоминал о том, как он устраивался на работу. Все кадровые агентства, к которым он обращался, с задачей не справились. Им не удалось убедить ни один банк, что Артур, не имевший никакого опыта в банковской сфере, идеально им подходит. Хотя Васканян умышленно просил небольшие деньги и был готов на любую

самую тяжелую работу, поскольку даже с мизерной должности рассчитывал благодаря своим способностям и уникальному везению продвинуться. Но тщетно.

Сорок собеседований в тридцати шести банках прошел Артур. Нигде не взяли. Для одних он был молод, для других староват. Для одних он был нацменом, другие сами были еще большими нацменами и уже более многочисленных армян не любили. Для одних с его профильным образованием он был слишком квалифицирован, других это образование раздражало. Одни считали, что он просит много, другие — что мало. И все подозревали, что он не тот, за кого себя выдает, поскольку трудно себе представить безработного с дипломом МФИ.

Агенты-рекрутеры ему уже сильно надоели. Бесконечные собеседования, многостраничные анкеты, психологические тесты с вопросами типа «Меня постоянно тошнит? У меня идет кровь? Мне нравится истязать домашних животных?», гипертрофированный снобизм, пустые обещания — все это изматывает кого угодно. Довольно быстро он понял, что рекрутеры бывают только двух типов: одни берут с «гастарбайтера» деньги и никуда устроить не могут, ибо сами дешевки без связей, другие заламывают работодателям такие сумасшедшие расценки за подбор персонала, что работодатель никогда не пойдет на такие неоправданные траты. Словом, рекрутеры в глазах Артура остались народом бесполезным. Вот уж воистину верен старый лозунг: убей посредника.

Васканян уже подумывал о том, чтобы договориться с каким-нибудь мелким банком и за деньги справить себе новую трудовую книжку с отметками о банковском стаже, когда ему в очередной раз улыбнулась фортуна. В газете «Работа для вас» он обнаружил объявление: «Крупный московский банк набирает специалистов, имеющих опыт работы в торговле, для оценки и реализации предметов товарного залога». Жена Артура даже фыркнула, узнав, что ее небедный муж готовится к сражению за мелкую банковскую должность, хотя может за просто открыть собственное дело. Они в очередной раз повздорили, но Артур поступил по-своему.

Он позвонил по указанному телефону, записался на собеседование, оделся опрятно, но скромнее скромного и в назначенное время прибыл в это самое здание, в кабинет, где располагался офис директора по персоналу. Этот самый директор, престарелый отставной полковник госбезопасности, мурыжил его вопросами минут сорок и удовлетворился только тогда, когда узнал, что родители Артура проработали всю жизнь по линии Министерства внешнеэкономических связей, а значит, были проверены на благонадежность с ног до головы. Кроме того, Васканыя сказал, что ему очень нужна работа, поскольку надо «кормить две семьи», учитывая, что рыночная реформа лишила родителей достойного заработка. Отставник, сам некоторое время назад тяжело переживший крах советской системы, к нему проникся. Артура приняли на должность залогового инспектора с окладом в триста долларов и испытательным сроком три месяца...

#### 4

Сейчас вице-президент банка Васканыя вошел в здание и за руку поздоровался с каждым из четырех хмурых охранников, привычно пошутив над чем-то в их внешнем облике. Словно по команде, они дружно изобразили улыбки. Дождавшись, пока Артур, взяв ключ от своего кабинета, отойдет на приличное расстояние, старший смены доложил по внутренней радиации дежурному начальнику охраны:

— Одиннадцатый прибыл!

Артур усмехнулся. Он предпочел бы быть номером десятым, как Пеле, Марадона или Платини. Но и одиннадцатый — номер игрока основного состава. Он девятый по счету вице-президент. Правда, вице-президент по спецпроектам, министр без портфеля. Последний среди равных. Одиннадцатый в списке значимых, после президента Боброва, главного бухгалтера Климовой и остальных восьми «вице».

Для пяти лифтов не было единой системы вызова, обитатели здания дружно жали на все кнопки. Но Артур сегодня хотел дождаться именно дальнего, поэтому нажал всего одну. Включившееся табло известило, что сейчас лифт находится на пятом этаже и уже спешит вниз.

— Здравствуйте, Артур Николаевич! — Рядом с ним возникла Алена Дерюгина, привлекательная светленькая девушка лет двадцати трех, одна из тех, кому Васканян хотел бы нравиться, не будь она уже замужем. И потому, что это обычно чревато проблемами, и потому, что в силу мужской солидарности стоит задумываться о том, каково самому было бы оказаться в роли рогоносца.

Алена работала «девочкой» аж в аналитическом отделе, хотя относилась к числу тех глупеньких, малообразованных и профессионально непригодных курочек, что были родственницами больших чиновных начальников и брались на службу только за это. Дерюгина была любимой дочерью начальника районного ГАИ, через которого решались все автомобильные проблемы банка. Ее могли уволить, только если бы уволили его. Как-никак, автомобильный парк банка приближался к полусотне единиц.

Артур кивнул ей в ответ и на мгновение представил ее раздетой. Не идеал, конечно. Немножко не «в теле».

— У вас красивый галстук! И костюм тоже... — тихо проворковала Алена.

— Спасибо! — улыбнулся Артур, с трудом сдерживая свои эротические фантазии. — Спасибо, Алена! Вы, как всегда, обворожительны, поэтому у меня уже нет слов, чтобы сформулировать новый комплимент. А старые вам, поди, уже надоели?

— Комплименты никогда не надоедают, — честно и со странным придыханием призналась она. — Даже одни и те же.

Нет, в один лифт с ней садиться чревато, испугался Васканян. Артурчик, у тебя сегодня супердень, не отвлекайся. А то вдруг, ни приведи господь, сорвешься, а она возьмет и возомнит, что это любовь. Вот где начнется цирк! Конфликт

с ГАИ неизбежен. Ему придется ездить на метро, поскольку его «Тойоту» замордуют.

К счастью, к ним присоединился еще один желающий покататься на лифте, что сильно расстроило девушку. При постороннем продолжения разговора не получилось. И мысли Васканяна снова устремились к проекту.

Артур вошел в кабинет, открыл окно, плюхнулся в свое кожаное кресло и положил ноги прямо в ботинках на заваленный бумагами стол. Творческий бардак.

По иронии судьбы в этом самом кабинете началась его карьера в «Лавине» больше двух лет назад. Раньше здесь был кабинет директора департамента персонала. Символично. Он быстро и почти всего добился. А ведь как скромно начинал!

## 5

С первого дня в «Лавине» Артура «впрягли» в работу: поручили продать валявшиеся без движения в течение четырех месяцев 300 комплектов итальянского сантехнического оборудования. Заложивший их заемщик кредита не вернул, оставил сантехнику вместе с долгами за ее хранение на складе и скрылся. Дело было гиблое, предполагалось, что Артур его провалит и будет с позором уволен, а на его место наконец разрешат взять кого-нибудь из родственников кредитных начальников. Васканяну в этом отношении повезло с трудоустройством: он попал под очередную кампанию президента банка Боброва по пресечению кумовства при найме сотрудников.

Первое, что сделал Васканян, — сличил документы на сантехнику с самим товаром. Во-первых, в документах значилось, что она итальянская, но на самих ваннах, унитазах, смесителях и прочем была наклеена пленка *made in France*, а на некоторых элементах и вовсе было выбито *made in Poland*. Во-вторых, сами комплекты состояли не из девяти предметов, а только

из семи. В-третьих, самое громоздкое и дорогое, ванны, оказались не чугунными и даже не акриловыми, а всего лишь маловостребованными стальными. В итоге залоговая стоимость реально, по самым скромным подсчетам, оказалась завышена в четыре-пять раз и не покрывала и двадцати процентов выданного кредита и процентов по нему. Такое ну никак нельзя было списать просто на мошенничество заемщика или безалаберность кредитной службы. Напротив, всё слишком хорошо продумали.

Любой другой в этой ситуации гордо отрапортовал бы о своих изысканиях начальству и изложил бы вывод о невозможности реализовать такой залог, но только не Артур. Науку делать карьеру еще в отсутствие специальной литературы Васканян изучал по Драйзеру. У Драйзера же суть вопроса охватывалась одной-двумя краткими по форме, но удивительно емкими по содержанию фразами. Пока Артур впитывал только то, что лежало на поверхности, не опускаясь до истинных глубин писательской мысли. Оставалось успокаивать себя тем, что эта черта исключительно возрастная и если в двадцать лет тебе больше нравится «Финансист», то еще не потеряна надежда к пятидесяти годам начать понимать «Стоика». Ведь не стоял же на месте и сам Драйзер. Впрочем, события в России 1997 года был зеркалом событий в Америке, описанных именно в «Финансисте»: борьба за целостность страны между Севером и Югом, бум полулегального предпринимательства, коррупция, бюджетные аферы, захламленность рынков пустыми бумажками. Поэтому и формулу карьерного успеха в строгом соответствии с Драйзером Артур усвоил как сочетание личного обаяния, дальновидности и репутации. Если она сгодилась для одной великой страны, почему бы не использовать ее в другой, хоть и полтора года лет спустя?

Настучать на проворовавшихся коллег было бы верхом недалекости, смертельным ударом по репутации и отражением уродливого облика души (какое уж тут обаяние). В довершение всего Васканяна при первом удобном случае просто выпнули бы под зад на улицу — и конец успеху до его начала.

Поэтому в общении с начальством Артур выбрал осторожную тактику.

Обратился к своему непосредственному руководителю, который явно был замешан в выдаче этого кредита, и изложил свои сомнения в перспективах реализации залога. Тот поначалу напрягся, но быстро расцвел, когда в качестве основного довода Васканян привел «длину ванн».

— Видите ли, — сказал Артур, — длина этих ванн 170 сантиметров, а стандартная длина для ванн в новостройках 160. В элитных же домах точечной застройки чистовая отделка либо вообще не производится, либо производится с использованием сантехники принципиально иной комплектации и материала. Таким образом, весь оптовый сегмент рынка для нас отсекается, приходится рассчитывать на розницу. К примеру, если эти ванны будут покупать жильцы сталинских домов. Но кто из них часто меняет ванны? А сколько мы будем реализовывать такое количество комплектов через розничную сеть, я сказать не могу. Знаю только, что очень долго.

— Ну хорошо, — руководитель залоговой службы оценил, что ни слова не было сказано о куда более существенных недостатках сфальсифицированного залога, — можно их вообще продать? И желательно быстро и оптом.

— Да, наверное, — пожал плечами Артур. — Но только не ванны. Унитазы, смесители — да. И только процентов за десять от стоимости.

— Годится! — обрадовался главный залоговик. — А ванны будем отдавать в нагрузку бесплатно. Лишь бы вывезли со склада и нам не пришлось платить за их хранение. Попробуешь?

Артур обреченно вздохнул, но вылетел от босса чуть ли не на крыльях. Кредитные чиновники оказались всего лишь банальными ворами. Поворошив старые связи, Артур быстро вышел на строителей, обслуживающих муниципальные стройки Москвы и области. Встретился, провел переговоры, объяснил схему, при которой все стороны и отличатся перед начальством, и заработают себе на карман. И уговорил.



Схема была проста. Строители покупают 300 комплектов сантехники за цену вдвое ниже оптовой, о чем гордо отчитываются командованию. После чего получают половину уплаченной цены назад. Чиновники «Лавины» начали долго и скредно для вида торговаться, но в итоге все срослось. Разумеется, и Васканяну кое-что прилипло по дороге. Это «кое-что» равнялось примерно его трехлетней зарплате в банке.

В какой-то момент ему хотелось отказаться от своей доли и уступить ее «Лавине», стать местным героем и почувствовать себя благородным гением. Но здравый смысл подсказал ему: успехи должны накапливаться потихоньку — от малого к большому. Он и так смог выручить для банка приличную сумму, хотя банковские сотрудники уже собирались просто забыть про этот негодный товар. Вдобавок ко всему Артур не подставил своих непосредственных руководителей, которые это, безусловно, оценят. Ну и как, в конце концов, можно устоять перед соблазном снова заработать большие и легкие деньги! Кроме того, никто все равно не поверил бы в его бескорыстность.

Все получилось, как Васканян и ожидал. Ему сразу же повысили оклад на пятьдесят долларов, сократили с трех до двух месяцев испытательный срок и даже заплатили премию — долларов сто, кажется. Сейчас он уже не помнил таких тонкостей. Главное, что в который раз его аферу не заметили.

Разглядев в Васканяне «способного, рабочего и правильно мыслящего паренька», начальник залоговой службы перебросил его на более сложный участок — выколачивать огромный долг с некоего завода. Та история вообще сделала его знаменитым на всю «Лавину».

Завод задолжал «Лавине» очень серьезную сумму. В свое время банк накачивал его деньгами по самой простой причине: директор завода и председатель совета банка были однокурсниками, причем приехали оба откуда-то с Урала еще в пятидесятые. Кредитная линия предприятию была огромна, завод добросовестно вычерпывал бешеные суммы, а когда настало время гасить, директор просто взял и помер от старости, оставив завод по уши в долгах: перед бюджетом, перед постав-

щиками, перед банками. Кредиторы ринулись в арбитражные суды и засыпали расчетные счета завода исполнительными листами. Самое интересное, что, пока директор был жив, эти самые кредиторы ни минуты не сомневались, что он найдет средства, чтобы рассчитаться.

Молодому преемнику покойного никто не верил, и потому на предприятие сразу же «наехали» всем миром, кто через суд, кто через налоговую полицию, кто через бандитов. Заводским властям обещали банкротство, тюрьму, пулю в голову.

Но молодой директор был человеком новой формации, усвоившим ряд золотых правил ведения бизнеса в новой России. Первое: должников не убивают, иначе пропадет даже надежда на возврат денег. Второе: когда кредиторов слишком много, они пожирают друг друга. На этом он и сыграл, каждому отдельно что-то пообещав и стравив между собой.

Сам новый директор между тем не разменивался на попытку оживить завод. Ему это зачем? — все равно отберут рано или поздно. Вместо этого он все свободные средства пустил на переустройство здания заводоуправления в небольшой бизнес-центр. С пригодными под офисы помещениями в Москве тогда еще была напряженка, поэтому арендаторы повалили валом и, что самое ценное, с готовностью платили за аренду наличными в карман директору.

Сам Артур не был кредитором завода, он только представлял интересы кредитора, поэтому душа его в смятении не находилась и разум затуманен не был. Он знал все те же самые золотые правила бизнеса в новой России, третье из которых: если долг не вернули сразу, то не вернут никогда, если сам не ухватишь первого попавшегося под руку имущества должника. Поэтому всякие предлагаемые схемы урегулирования задолженности он и читать не стал, а после внимательного изучения всей заводской документации придумал простой, наглый и жесткий план.

Здание заводоуправления, единственной реальной ценности предприятия в новых условиях, запитывалось электричеством не там же, где цеха, а от бывшей заводской столовой,

которую старый директор продал родственнику под ресторан. Но у родственника все совсем не пошло, и он с радостью недорого перепродал столовую случайно подвернувшемуся покупателю. Этим покупателем оказался бывший партнер Васканяна.

Дальше все было делом техники. Новоявленному бизнес-центру отрубили электричество. Банк «Лавина» радостно подкрепил своего неожиданного союзника, ресторатора, всеми видами ресурсов. И новый заводской директор сделать ничего с этим не смог. Его «крыши» вернулись ни с чем, столкнувшись с куда более мощными себе подобными. И под давлением угроз от арендаторов, взбешенных отсутствием света на протяжении недели, директор пошел на большие уступки.

Банк получил новое соглашение о реструктуризации, включавшее весомый первый платеж, залог — здание заводоуправления — и бесплатную аренду двухсот метров в этом здании под банковское отделение. Стоит ли говорить, что Артур как менеджер проекта не обнес и себя: директор выкупил злосчастную столовую у его партнера с приличной доходностью.

Вершиной торжества стал личный прием Артура председателем совета банка, у которого с урегулированием кризиса с заводом с плеч свалился груз ответственности. Председатель долго тряс руку Васканяну, называл его молодой надеждой банка и предрекал головокружительную карьеру.

Но уже и имевшиеся скромные карьерные достижения молодого сотрудника кое-кто счел излишне головокружительными. Появились враги и завистники, особенно в кредитном управлении. Им не хватило сил предотвратить назначение Артура, но они добились того, что главное лицо в банке — президент — его лично не принял. Влияние завистников было очень существенным.

Вообще в кредитном управлении «Лавины» работали очень странные люди. Как на подбор: из тридцати человек двадцать пять возрастом за сорок, все бывшие госчиновники или офицеры правоохранительных органов (причем отнюдь не интеллектуальных подразделений), все не слишком хорошо образованные, малопрофессиональные, не гибкие, но все до безобразия жадные и вороватые.

В принципе Артур и сам не имел ничего против того, чтобы нажиться за счет недополучения банком прибыли. Но, глядя на раскормленные рожи своих сослуживцев, он просто бесился при мысли, что они ходят в банк, чтобы просто украсть и пожрать в столовой. Васканян всегда действовал по принципу: каждый должен получить свой кусок пропорционально способностям и затраченным усилиям, и при этом откровенно ограбленных быть не должно. Но эта публика именно таким грабежом своего работодателя и занималась: выдавала за взятки заведомо невозвратные кредиты, кредитовала (также, разумеется, безвозвратно) свои подставные фирмы и фирмы своих знакомых, неоправданно снижала процентные ставки, пролонгировала сроки договоров, принимала неликвидные залоги, пассивно преследовала неисправных плательщиков, закрывала глаза на недостоверную информацию о заемщиках. Доходило до анекдотов, когда, например, некому буржуину, имевшему в банке депозит, выдавали кредит, он его не возвращал, но проценты по депозиту исправно снимал, а банку в погашение какой-то мизерной части долга передавал непригодное к употреблению имущество. При этом служба безопасности гордо рапортовала, что вот-вот его поймают и прижмет. Рука мыла руку. Так было почти во всех банках, уж больно лакомый кусок — кредиты. Однако «Лавина» явно была бы на очень высоких позициях в рейтинге беспредела, существуя такой рейтинг.

Жаловал этот народец и другие куски. Зная, что обед начинается в час, они еще с одиннадцати засылали гонцов посмотреть: «не накрывают ли еще». Дорвавшись до бесплатной

кормежки, они, словно бомжи, набивали себе брюхо до икоты, до отрыжки, до изнеможения. Сметалось все выставленное на стол, сочетаться в их животах могли одновременно самые несовместимые блюда. Все уничтожалось до последней крошки. Некоторые умудрялись даже прилюдно вытирать тарелки куском хлеба, чем облегчали поварам мытье посуды. Добавки к пяти блюдам в «Лавине» предусмотрено не было, что очень расстраивало.

Сотрудники других подразделений обедали очень просто: десять-пятнадцать минут, в темпе, умудряясь решать за столом еще какие-то вопросы. Кредитное управление жрало в молчании в течение минимум получаса. При всем при этом кредитные чиновники не только никогда не поздравляли поваров и официанток с днями рождения или просто праздниками, но и не знали их по именам.

Набив желудки до такого состояния, когда встать из-за стола без посторонней помощи трудно, они доползали до рабочих кресел и бросали на них свои огромные зады. При этом каждый не уставал повторять изо дня в день, что «обед нынче неважный», что у них болит пузо и больше в этой тошниловке они есть не будут и поставят соответствующий вопрос перед руководством.

Вечерком они закупали водочки и неизменно надирались, обильно закусывая докупленными мальчишкой-курьером в ближайшем гастрономе деликатесами. Причем мальчик предоставлял кассовые чеки, и даже находились желающие сложить на калькуляторе цифры и сверить наличие продуктов, дабы проверить, не присвоил ли парень чего. Только разве контрольные весы не завели. За этой трапезой кредитчики были говорливее, и будь у кого желание записать несколько таких бесед на диктофон и положить запись на стол Боброва, можно было бы смело сразу отправлять этих ребят за решетку.

Но президент, очевидно, обо всем знал и никак не реагировал, ибо тоже «пощипывал» на этом участке, а ответственность за невозврат «своих» кредитов перекладывал на этих чиновников, которые с готовностью облачались в вериги, посыпали

склоненные в покаянии головы пеплом и самобичевались. Аппетит, правда, даже в такие дни у них не портился.

Что самое смешное — они вполне серьезно рассуждали о том, что банк плохо организован, нет управленческой идеи, менеджерам среднего звена мало делегируют полномочий. Высших чинов банка они критиковали активно, но как-то очень безболезненно для последних. Да и кто будет поносить людей, создавших райские условия для такого содома, каким было кредитное управление.

Панически они боялись только одного человека — вице-президента Белецкого. Белецкий давно и старательно подбирался к контролю за кредитным управлением, поскольку это была единственная неподвластная ему сфера, занятая размещением банковских денег. Все остальное, что зарабатывало, подчинялось только ему. Белецкий был крутым профессионалом банковского дела и до прихода в «Лавину» успешно сам руководил двумя банками поменьше. Он обладал качествами диктатора, на персонал смотрел как на средство производства, платил мало и выжимал из подчиненных максимум. Возвышались и карьерно, и материально только люди, выдерживавшие бешеный ритм, сумасшедшие нагрузки и сносившие хамское обращение. Нельзя сказать, что методы Белецкого были сверхэффективны, но воровство среднего и нижнего звена при нем не процветало.

Понятно, что всю кредитную братию трудоголик Белецкий разогнал бы в течение получаса. И воровать при нем возможности не было бы. По мере того как процент проблемных кредитов рос, перспектива появления Белецкого становилась все более отчетливой и неотвратимой. Кредитчиков пугали Белецким, Белецкого дразнили обещаниями переподчинить ему кредиты.

В какой-то момент от кредитного управления все чаще стали требовать предоставления отчетности, несколько раз внепланово приходили аудиторы. Кредитчики запаниковали. Прекратить воровать они, конечно, могли. На время. Но научиться работать профессионально — уже точно нет. Читать балансы, разбираться в финансовых отчетах, правильно оценивать

залог, применять современную методику оценки рисков, грамотно составлять график проверки заемщиков — все это ими никогда не делалось. И учиться было поздно. А просто свернуть деятельность в глазах Белецкого и иже с ним означало бы фактически расписаться в своем поражении.

На кого-то надо было делать ставку. И вот на одной из вечерних посиделок, не сопровождаемой на сей раз алкогольными возлияниями, собрались семь-восемь кредитных аксакалов и стали думать превеликую думу, как от супостата Белецкого спастись. Все дружно признались в своей неспособности противостать ему, а потому необходимо найти козла отпущения, дать ему возможность начать воплощать какую-то реальную кредитную политику, в случае удачи приписать успехи себе, а неудачи — свалить на него. И все сошлись на кандидатуре Васканяна. Молод, грамотен, удачлив. За это они его терпеть не могли, а потому не боялись подставить. Вполне сойдет за молодого реформатора, которому кредитное управление поверило, за которым оно пошло, а он... Там будет видно.

## 7

Но вес у Васканяна был слишком невелик. Поэтому для начала решили его приподнять на должностной лестнице. Начальника залогового отдела выгнали за старые грехи, о которых он и думать уже забыл. И сами же порекомендовали Артура на эту должность, о чем ему и сообщили. Каждый из тяжеловесов кредитной службы не преминул приписать заслугу лично себе.

Через некоторое время Васканяна вызвал начальник управления, пожилой, умудренный опытом человек, который очень много «откатил» себе на старте банковской деятельности, а теперь всерьез заботился о безупречности репутации.

— Артур Николаевич! — твердо и торжественно начал начальник. — У меня для вас две новости: хорошая и плохая.

Хорошая заключается в том, что все управление по достоинству оценило вашу энергию и находчивость. Плохая же состоит в том, что благодаря этим качествам на вас решено взвалить разработку проекта реформирования кредитной деятельности.

В прошлом начальник кредитного управления был заместителем секретаря комитета комсомола по идеологии крупного советского металлургического комбината. Поэтому «звонил» он всегда складно, а реальные проблемы умел прятать за, казалось бы, безобидными формулировками. «Реформирование» в данном случае означало: нам каюк, парень, и тебе вместе с нами; вытаскивай как знаешь. Все это Васканян понял. И сразу же согласился. Ибо Белецкий был и ему несимпатичен. Лучше жить с ворами, чем с этим гестаповцем. Между прочим, тогда в России подобное мнение распространялось на всю общественную жизнь. К суровым нравам потянуло позднее.

Высокое доверие Артур оправдал, и большого труда это ему не составило. «Реформирование» свелось к нескольким простым действиям. Вести себя потише. Перестать пить на работе. Перестать выдавать совсем уж необеспеченные кредиты. Начать гонять простых неисправных должников и хотя бы «совестить» привилегированных. Заодно внятно прописать и упростить технологию рассмотрения кредитных заявок.

И уже три месяца спустя начальник кредитного управления гордо доложил правлению об успехах. Процесс вышибания старых забытых долгов пошел живее: отобрано у недоимщиков почти два миллиарда рублей. Процент проблемных кредитов упал до показателя двадцать пять процентов против тридцати. Аудиторы оценили степень ликвидности залогов как «ниже средней» (против «неудовлетворительной» по результатам предыдущей проверки). Все достижения, само собой, начальник приписал себе и своей старой гвардии.

Но оргвыводы все же последовали. Несчастный начальник кредитного управления был неожиданно «повышен» в должности: назначен управляющим филиала банка в родной металлургический регион. Трое кредитных тяжеловесов из числа



наиболее бесполезных были отправлены на выход. Но главное все же было достигнуто: Белецкий кредитного управления опять не получил.

А самым неожиданным стало другое: Васканян к своей должности начальника залогового отдела получил приписку «заместитель начальника кредитного управления». Таких заместителей было еще трое, так что ничего особенного на первый взгляд. Но только на первый, ибо поражали два обстоятельства. Во-первых, меньше чем за год он сделал головокружительную карьеру от рядового специалиста до заместителя главы ключевой службы. Без блата, без взяток, без «своих» крупных заемщиков. Просто так встали звезды. Впрочем, в 90-е годы в России они еще и не так вставали. Во-вторых, и это было совсем ни в какие ворота, президент банка Бобров так с ним ни разу и не пообщался, хотя повышения Артуру подписывал регулярно.

## 8

Новым же начальником кредитного управления утвердили одного из немногих уцелевших высокопоставленных кредитчиков, мрачного алкоголика со странной фамилией Курятый, прославившегося своей жесткой работой с должниками: у семидесятилетней старушки, унаследовавшей долг от погибшего сына, он отобрал домашнюю библиотеку и коллекцию раритетных пластинок; у беременной женщины отнял холодильник; у многодетной семьи изъял полуразваленный дачный домик.

— Каждый должен платить по счетам! — бронзовым голосом говорил Курятый. При этом имелись, вероятно, в виду те, кто не заплатил предварительно за право не платить. Но так или иначе репутация палача — бойца за интересы банка за ним закрепилась. За что, вероятно, он и был возведен на мини-пьедестал.

Васканяну, своему самому молодому заместителю — выскочке, новый руководитель сразу дал понять, что тому надо

сидеть тихо и не высовываться, а еще лучше «сразу по-тихому свалить». Надо отдать ему должное, Курятый и в прежние времена с Артуром в игры не играл и за человека не считал.

Интеллектуальных подчиненных Курятый терпеть не мог, поскольку страшно комплексовал из-за собственной дремучести, неумения связывать слова в предложения и отличать винительный падеж от родительного. К тому же у него была тяжелая личная жизнь: жена-истеричка плюс любовница, общедоступная некрасивая операционистка банка Люба, честно требовавшая не конфет и цветов, а ощутимых материальных вливаний в свой личный бюджет. При этом с молодыми орлами из управления ценных бумаг она спала совершенно бескорыстно. На фоне личных неудач Курятый нередко срывался, а все свои печали топил на дне бутылки с дагестанским коньяком.

«Сваливать» Васканяну не хотелось. Ни по-тихому, ни как-либо иначе. Работать ему нравилось, он заработал определенный авторитет, начал делать карьеру, расширять круг знакомств, воплощать новые идеи. Резюме с учетом нового назначения у него стало почти хорошее, но только почти: банковский стаж все же был крайне непродолжителен, и другие работодатели могли совсем неправильно понять его карьерные подвиги.

Грубый намек Курятого поставил Артура в тупик. Просить и унижаться он бы не стал. Подставлять кого-то было не в его правилах, а силенок для выхода на открытую конфронтацию пока не хватало. В голову ничего не приходило. Его изоциренный ум тем не менее всегда чувствовал себя в затруднительном положении, когда дело касалось подковерных интриг. Выбор был: уйти из «Лавины» с перспективой немедленного трудоустройства в мелкий банк и необходимостью начинать сначала либо попроситься в другое подразделение. Но куда?

Среди людей Белецкого он быть не хотел, впрочем, не сомневался, что возьмут с распростертыми объятиями. В борьбе за власть над кредитной службой Белецкий уже только ради наличия такого инсайдера сделал бы ему предложение. Однако остальные службы в большей степени занимались технической работой, что Артуру не подходило. Определенно цугцванг.

Но создатель опять вступился за своего блудного дитя. Во время корпоративного празднования Нового года Курятый, крепко выпив, решил домой не возвращаться, а завалить прямо к своей Любе и утолить изголодавшуюся и подогретую «Дагестаном» мужскую жажду до женского тела. Однако пассия отказалась, предпочтя потанцевать с молодой частью коллектива. Начальник кредитного управления хлопнул дверью, но домой не ушел, а добрых пару часов терпеливо выжидал на морозе, предчувствуя недоброе.

К его величайшему негодованию, Любаша появилась изрядно подшофе в обнимку с очередным юнцом из ценных бумаг, которого она все время норовила поцеловать, а тот всю пытался прощупать ее формы, засовывая руки ей под дубленку. Где и как они закончат вечер, сомнений не было. Курятый взбесился. Подбежав к парочке, он без лишних слов ударом кулака в ухо отшвырнул зазнобу в сторону, а ее кавалера несколькими сверхточными и мощными ударами в лицо повалил на снег и начал топтать. Несчастливая жертва произвольно брыкалась, удачно угодив Курятому в коленную чашечку. Тот взвыл и присел на корточки. Окровавленный ценнобумажник, поняв, что только в клинче его спасение, подполз к своему палачу и, обхватив его руками, увлек за собой вниз. Здесь уже завизжала виновница «торжества», придя в себя после нокдауна. На визг начали сбегаться сперва охранники, потом и подгулявшие банковские служащие. В порыве подразделенческого патриотизма в драку полезли представители ценных бумаг и кредитов. Битва любовного треугольника немедленно переросла в побоище давних врагов. Дралось уже человек двенадцать. Охрана и не думала вмешиваться, образовав кружок зрителей и выкрикивая одобряющие призывы.

Шум привлек президента Боброва, который в это самое время обходил банк, чтобы определить объем хозяйственных работ в праздники. Он направился к окну, несколько секунд лицезрел весьма уродливую картину и решил прекратить безобразия. По пути ему попался смертельно уставший

Васканян, тащивший несколько папок с кредитными делами. Президент прошел мимо, смерив его коротким неодобрительным взглядом и не ответив на приветствие и поздравление с праздником...

Подводя итоги «побоища», вице-президент по вопросам безопасности констатировал сломанный нос, две сломанные челюсти, немало сломанных ребер и разбитых лиц, а также значительный материальный урон личной собственности бойцов. Участники действия, включая охранников, были переписаны и уволены, былые заслуги не учитывались. Среди уволенных оказалось и два заместителя Курятого. Начальник охраны получил выговор и одновременно лишился годовой премии. Управлению кадров было поставлено на вид за недостаточный контроль за моральным обликом персонала банка. Отныне запрещалось организовывать и проводить на территории банка любого рода увеселительные мероприятия.

И.о. начальника в отсутствие более подходящих кандидатов назначили... Васканяна. Но тут даже ему самому было очевидно, что это совсем временное и техническое назначение. Либо наймут варяга со стороны, либо в осажденный город войдут преторианцы Белецкого.

Кредитное управление притихло. Даже на обед затрачивали не больше двадцати минут. После работы не задерживались. Пустопорожних разговоров не вели. От девиц шарахались, как черт от ладана. Качество работы сильно не повысилось ввиду безнадежной некомпетентности персонала, но тенденция устойчивости показателей обозначилась достаточно четко.

## 9

Тем не менее, пользуясь паническими настроениями своих сотрудников, Васканян изыскал возможность потихоньку протащить несколько прогрессивных кредитных схем, начал выдавать гарантии, запустил факторинг, учет векселей. На

небольшие суммы, но все же. Однако радость его была не слишком долгой.

Президент подобрал нового начальника кредитного управления по фамилии Худяков из числа бывших крупных чиновников Минфина, и он притащил за собой целых ворох вольготнейших государственных программ вексельного кредитования. Пообщавшись единожды с этим человеком, Артур понял, что президент Бобров выбор сделал правильный.

У новичка было еще одно важное и выгодное качество: он умел не раздражаться из-за непрофессионализма, умел уживаться с любыми людьми (даже с уродами из кредитного управления «Лавины»), умел не требовать от людей большего. Этот господин исходил из принципа: раз здесь есть эти люди, значит, это кому-то наверху нужно. Важно только умело отодвинуть их от дел серьезных к делам пустым, но требующим изрядного шумового оформления. Коллектив его сразу полюбил за мягкость и терпимость, а заодно за внешне неконфронтационную, но жесткую оппозицию притязаниям Белецкого.

Худяков оправдывал выданные ему авансы. Он хоть и изрядно подзапустил кредитование частных фирм, зато участие в госпрограммах начало приносить бешеные барыши, покрывавшие любые убытки. Суть программ была проста: «Лавина» выдавала под гарантию государства миллиардные кредиты организациям, занятым в строительстве для государственных нужд, под не самые высокие проценты. Фокус был в том, что все эти миллиарды выдавались векселями самой же «Лавины». Заемщик получал векселя, на следующее же утро досрочно погашал их в банке по две трети стоимости, в результате получалось, что на руки ему оставалось реально только две трети суммы кредита, а вернуть должен был всю сумму и еще проценты. Доходность таких операций была фантастической, риски же благодаря государственным гарантиям и вовсе отсутствовали. Само собой, с этого неплохо получали свое и все вовлеченные лица.

Практически все силы были брошены на эти «золотые копи». Васканын сбивался с ног, мотаясь между организациями-

заемщиками и организациями-гарантами. Худяков не щадил никого, но премии распределял не слишком щедро, указывая на то, что невелика заслуга оформить три бумажки. Вся слава и весь навар доставались ему. С ежемесячными официальными поощрительными выплатами в среднем больше десяти тысяч долларов Худякову не нужно было воровать. Он этого и не делал, а если и делал, то отследить этого никто не мог.

К Артуру он был безразличен, однако сразу же смекнул, что самые ответственные дела следует поручать именно этому парню. Отношения были самые ровные. Платили Артуру (с учетом премий) неплохо, но не более того. В хороший месяц выходило аж по две тысячи долларов. Правда, работать приходилось все больше. И возможности для внепланового наполнения своего кармана теперь не было.

Однако с каждым днем Васканян все сильнее ощущал, что мешает Худякову. Тот прекрасно ориентировался в политической ситуации и понимал, что со дня на день все эти вексельные лавочки прикроют, поскольку уж больно велика дыра в бюджете, на носу выборы президента России, надо погашать долги по зарплате, а тут несколько банков и несколько сотен госслужащих наживаются. Альтернатива — только нарождающиеся олигархические империи в качестве заемщиков, но «Лавина» могла и не справиться с ними, начни олигархи не возвращать деньги.

Значит, основной козырь Худякова — масштаб — исчезнет, и работать придется в реальных условиях с сомнительными ООО, ТОО, ЗАО и прочей дребеденью, где нет ни гарантий, ни толкового плана, ни уверенности в людях. А так работать он не умеет. И тогда взоры руководителей «Лавины» снова обратятся к молодому находчивому пареньку, про подвиги которого до сих пор ходят легенды. У половины вице-президентов любимая шутка: если у тебя проблемы — выруби им электричество. Такой конкурент Худякову не нужен. Тем более что и народ в кредитном управлении Васканяна недолюбливает: как-никак слишком молод, и методы у него полубандитские. Так что поддержка масс гарантируется.

Незримый прессинг ощущался все сильнее. Тяжелая психологическая ситуация усугублялась разводом с женой, выпившей из Артура все соки. У него не было сил сражаться на два фронта. Становилось очевидно, что надо искать новое место. И он его нашел.

## 10

На переговорах Васканяна с «любимым» директором «любимого» завода по вопросу пересмотра графика платежей на очередное полугодие присутствовал управляющий средненьким по размеру банком «Столичный легион» Гурин. Через этот банк директор завода пропускал все свои денежки.

Представляя Артура, он со смехом сказал своему банкиру:

— Я был готов ко всему: к судам, банкротству, перестрелке, уголовному делу, но не к выключению света. Этот парень меня добил.

— Наслышан! — Банкир протянул Васканяну руку и крепко ее пожал. Собеседники расположились за большим «пластик под мрамор» столом в кабинете директора. Тот отделил себе кабинет в псевдоэлитарном стиле, обзавелся модельного вида секретаршей, ноутбуком и сервизом кузнецовского фарфора для чае- и кофепитий с посетителями. Долго играть нищенствующего не смог.

— И как поживает «Лавина»? — поинтересовался Гурин. — Я слышал, все тихо разворачивается.

— Ну, в последнее время мы перешли на социалистическое соревнование: какое подразделение больше заработает для банка, кредиты или ценные бумаги. Потому не ворует, а иногда даже свои докладывает.

— А что ожидает победителя?

— Возможность щедро компенсировать произведенные в ходе соревнования затраты.

— То есть начать воровать в большем объеме?

— Я не допускаю такой мысли. Пагубного воровства не будет. Благородные же явления, а именно придержание дельты, без сомнения, будут иметь место.

— А хорошо ли платят в «Лавине»?

— В среднем плохо, процентов на тридцать ниже, чем по Москве. Хотя ценные бумаги и программисты получают нормально. Прочие добирают кто как может.

— То есть лично вы довольны? — прищурился Гурин.

— Конечно, он доволен! — захохотал директор. — С меня сколько зараз снял за свою столовку.

— Хм... — Васканяну не очень понравилось, что директор позволяет себе не соблюдать конфиденциальность в отношении столь деликатных вещей. — Я мог бы сказать следующее: «Я небогатый человек, у меня нет депозитов, вложений в ценные бумаги, доходной недвижимости, левого бизнеса. Все, что у меня есть, — это жалование. И я всегда на него жил, живу и буду жить. А поскольку я считаю, что достаточно квалифицирован, то жалование хочу получать достойное». Но этого я говорить не буду...

— Из чего следует, — с улыбкой заключил Гурин, — что у вас есть и депозиты, и бумаги, и недвижимость, и левый бизнес.

— Нет, — замотал головой Васканян. — Я сказал почти правду. За исключением того, что на жалование я не живу. Но я призываю вернуться к теме нашей встречи: коррекция графика погашения задолженности.

— По-моему, эти две темы как раз связаны, — серьезно сказал директор. — Однажды мы уже договорились. Почему бы нам не договориться еще разок?

— Стать участником очередного благородного явления? — Васканян откинулся в кресле. — В тот раз я предъявлял ультиматум и диктовал условия. Потому все и было для меня столь успешным. Чем я могу пугать вас сейчас? У вас теперь свой рубильник.

— Диктовать больше никому и ничего не надо! — сказал Гурин. — Можно перейти на партнерские взаимоотношения.



Вы доказали свои неординарные способности. И у вас есть возможность помочь нам. Небезвозмездно, разумеется.

— Интересно... — Васканян уже давно вынужденно не действовал в собственных интересах. — И чего же вы хотите?

— Как должен выглядеть скорректированный график погашения, по замыслу «Лавины»?

— Ежемесячно по четыреста миллионов рублей деньгами с начислением на сумму кредита ставки рефинансирования.

— Да я скорее удавлюсь! — возмутился директор. — Это кто придумал такую душиловку? Нет, ты послушай, Гурин!

— Аппетиты у людей не слабые! — согласился Гурин, задумчиво помешивая чай серебряной ложечкой.

— Все просто. Мы играем в вексельные игры под госгарантии. Там доходность дикая. Поэтому все средства собираются туда. Недоимщиков велено либо обирать до нитки, либо банкротить, без церемоний. А кто у нас один из главных недоимщиков, напомнить? — Васканян пожал плечами.

— До нитки решили завод раздеть? А как я это налоговой объясню? Налоговики тут косяками ходят, собираются имущество описывать.

— Все это неприемлемо! — отрезал Гурин. — Есть предложение лучше. «Столичный легион» выкупит долги завода у вас.

— Нормальный человек спросил бы сразу: зачем? Но я предпочитаю спросить другое: почём?

— Договоримся.

— Что вы можете предложить? — настаивал Васканян.

— «Лавина» отдаёт «Столичному легиону» все долги завода, включая проценты, повышенные проценты и штрафы с дисконтом... процентов пятьдесят. Всю выплату мы произведем векселями самой «Лавины» по номиналу.

Васканян понял, что при удачном лоббировании этой схемы его личное состояние может заметно увеличиться.

— Если я и протащу вашу идею, мне нужно будет срочно уходить с этой работы. Через какое-то время у меня неизбежно начнутся неприятности, когда игры в вексельное кредитование

закончатся и все начнут считать, а где мы потеряли другие за-  
работки. И где я буду прятаться?

— Должность начальника управления в «Столичном леги-  
оне» вам подойдет? — усмехнулся Гурин. — Управление выбо-  
рете сами.

— Прямо-таки сразу управление?

— Ну, вы же в «Лавине» начальник уже какой-никакой,  
а мы поменьше «Лавины» будем.

— Я бы не брал человека с таким сомнительным опытом  
защиты интересов банка, — твердо сказал Артур. — Где га-  
рантия, что завтра я не обижу изнутри и ваш банк?

— Мне не доводилось встречать банкиров из числа не соб-  
ственников банков, которые могли бы устоять в наше время  
перед соблазнами, — пожал плечами Гурин. — Гораздо выше  
я оценил то, что вы просто не слили банк в свою пользу, хотя  
могли бы запросто. И банку из говна пулю сделали, и себя не  
забыли. Ну, и полагаю, что если изначально с вами адекватно  
договориться о вознаграждении, включая премии по фактиче-  
ским результатам, то и проблем с «леваком» не будет.

— Да, — согласился Артур. — И я, наверное, не против.  
Проблема в том, что, если я перейду к вам после выкупа вами  
долга завода, все начнут орать, что я слил долг. И начнут  
рыть. А до чего дороятся, одному богу известно. А давайте  
в ваших интересах долг купит кто-то другой, а потом пере-  
продаст вам?

— За такую услугу придется заплатить тоже, — вздохнул  
Гурин. — И это снизит ваш гонорар, если только вы не сброси-  
те цену «Лавины» еще больше. Вы же хорошо считаете, я и так  
предлагаю реальную цену за долг...

Все замолчали. Директор нервно тренировал свою под-  
пись на клочке бумаги, Гурин потягивал чаек, Васканян рас-  
сматривал люстру. Вошла секретарша, которой, несмотря на  
выигрышную внешность, было далеко до умения красиво хо-  
дить. Она подплыла к директору и подала какую-то бумагу. Он  
расписался, но документ не отдал, отослав секретаршу прочь  
взмахом руки.

— Ладно, — вздохнул Васканян. — Все равно я собрался уходить из «Лавины». Я думаю, что ваше предложение пройдет плюс-минус. Но зайти надо не через меня, а через другого замначальника кредитного управления. Ему можно пообещать тысяч двадцать баксов. Начните с дисконта в шестьдесят процентов. Он ухватится за идею, я сделаю так, что наш босс поднимет цену процентов на пять, кредитный комитет еще на пять, ну и Бобров накинет пару пунктов. Где-то ваша цифра и получится.

— Типичный подход большого банка. — Гурин отхлебнул чая. — Следует его одобрить. Хорошо, Артур, чего вы все-таки хотите? Я подтверждаю вам место у себя, но если вы столь щепетильны... Ну поработайте где-нибудь в третьем месте для вида полгода, потом приходите..

— Давайте начнем с гонорара за эту операцию. По работе потом определимся...

Месяц спустя все было удачно завершено. Под шумок президентских выборов, когда банки панически собирали деньги со всех рынков, чтобы в случае победы коммуниста Зюганова драпануть за границу с этими деньгами, Гурин по дешевке скупил векселя «Лавины» и разменял на долги завода. Дальше остатки завода у «яростно сопротивлявшегося» директора он отнял уже сам.

## 11

Три месяца спустя Васканян положил Худякову на стол заявление об уходе, сразу после совещания по подготовке очередного отчета правлению.

— Нашли что-нибудь получше? — безразлично спросил Худяков, пробежав глазами бумагу.

— Да, — столь же спокойно кивнул Васканян. — Там мне как-то комфортнее будет.

— Успехов! — мотнул голово начальник и завизировал заявление, пообещав немедленно отдать в кадры, в чем Артур ни на минуту не усомнился. — Пока готовьте дела к сдаче.

— У меня все закрыто с утра. — Васканян подумал, не попросить ли в издевку себе рекомендацию, но решил не наглоть.

Десять дней спустя, когда Васканян уже пребывал в состоянии дембеля, которому осталось тянуть ляжку еще четыре дня, на его столе зазвонил телефон. Едва прижав трубку к уху, он услышал повелительный голос секретаря президента Боброва пятидесятилетней Анны Георгиевны:

— Артур Николаевич! Завтра ровно в одиннадцать двадцать вас ожидает президент. Прошу не опаздывать. С собой ничего иметь не нужно.

И отбой. Она даже не поинтересовалась, Васканян ли вообще поднял трубку. Артур был изумлен. Президент редко интересовался кадровыми вопросами в отношении лиц ниже начальников управлений. Он просто подмахивал приказы о приемах, увольнении, переводах, реорганизациях, утверждениях различных положений, должностных инструкциях. Да и это зачастую спускалось на уровень замов.

Но сейчас, и Артур ни секунды в этом не сомневался, вызов к президенту был связан с его заявлением об уходе. Видимо, Васканян уж слишком прославился своими «сантехническими» и «электрическими» подвигами. «Я прямо коммунальщик», — усмехнулся он. Раньше ему эта мысль в голову не приходила.

Утром следующего дня Артур поднялся на четвертый этаж и прибыл в приемную президента к назначенной минуте. Даже часы поутру сверил с телефонной службой точного времени. Приемная располагалась в большом зале, площадью метров семьдесят квадратных, которая, впрочем, казалась несколько меньше из-за обилия расположенных вдоль стен книжных шкафов, стеллажей и полок, плотно заставленных разнообразной литературой — от немислимых технических словарей до собраний сочинений классиков из самых экзотических стран.

История книжного собрания Васканяну была хорошо известна: специально нанятые «избачеи» скупали это великоле-

пии на толкучках, развалах, в букинистах, у частных коллекционеров, а «Лавина» была к тому же чуть ли не единственным банком, дававшим ссуды под залог печатной продукции. Позже были привлечены дизайнеры и психологи, определявшие, куда и какие фолианты расставлять и какую мебель под них заказывать. Мебель изготовлялась якобы в Италии по эксклюзивным эскизам (в действительности же на Балканах). Деньги текли рекой — Бобров не скупился.

Самое удивительное, что к книгам строжайше было запрещено притрагиваться. То есть им придавалось значение важнейшего элемента интерьера, но не более. В связи с этим Артура мучил вопрос: книги должны были заменить обои или продемонстрировать каждому посетителю интеллектуальное величие президента? Знайте, дескать, к кому пожаловали. Не надо здесь умничать, брызгать эрудицией.

Но обсуждать личность Боброва было не в традициях «Лавины». Все что угодно, но не саму личность. Хочет книжки — пусть будут книжки. Ему на все дни рождения, именины и просто праздники каждое управление старалось преподнести нечто особенное, в связи с чем ответственные сотрудники проводили многие часы в консультациях с наиболее выдающимися библиофилами города. Такие подарки он принимал с благосклонностью. Но никто и никогда не видел его читающим!

Секретарь президента тоже смотрелась скорее как заведующая библиотекой. Седовласая, близорукая, в неизменно белоснежной блузке и черном, под ворот, костюме. Она была надменно-грозна по отношению даже к вице-президентам. Как-никак, она пятнадцать лет является секретарем Боброва (еще с добанковских времен). Все уходит и приходит, а она остается.

Но стоило лишь самому Боброву высказать свое недовольство ею, как спесь с секретарши мгновенно слетала, и она в полной панике мчалась по коридорам с застывшим в вопле именем нужного сотрудника. При этом она словно слепла и сшибала на своем пути самых здоровенных мужиков. Словно ураган, Анна Георгиевна врывалась в курилки, где чаще всего и можно было

обнаружить затребованную персону. Эти набеги были столь шумны и стремительны, что иногда приводили к плачевным последствиям: например, однажды завхоз от неожиданности проглотил зажженную сигарету.

Но сейчас она была спокойна и величавым жестом указала Васканяну на пустой плохонький диванчик из кожзама, куда, поблагодарив ее, он и присел. Здесь Бобров сэкономил.

Президент принял Артура с двухминутным опозданием. Рослый лысый худощавый мужчина пятидесяти пяти лет. В прошлом «металлургический» чиновник и доктор химических наук, а ныне — главный акционер и президент банка из первой сотни российских банков. Президент при виде Артура приподнялся с кресла, быстро и жестко пожал ему руку и пригласил занять кресло справа от своего стола.

— Ко мне принесли ваше заявление об уходе, Артур Николаевич, — без вступления начал он, — обстоятельство для меня крайне удивительное и немного огорчительное. Я хотел бы услышать ваши комментарии.

— Тут нечего особо комментировать, Николай Алексеевич! — пожал плечами Васканян. — В кредитном управлении я чувствую себя лишним человеком.

— Как Чацкий, Онегин и Печорин? Неплохое сравнение, главное, что очень скромное, — без тени улыбки покачал головой президент. — Понятно, что персонал там сложный по морально-психологическим качествам... И по профессиональным, пожалуй, тоже...

Из этой реплики следовало понимать, что президент вполне осознает, что творится в кредитном управлении, но именно такое положение его устраивает. Именно таких, тупых и безынициативных взяточников он сам и набирал. Толковые и энергичные, вероятно, принимались туда, где без них просто не обойтись. Остальные по принципу: кум, свояк или дурак.

— Но сейчас, на мой взгляд, ситуация изменилась. Худяков вполне отвечает всем необходимым требованиям. Он немного заиклен на своих махинациях с бюджетными деньгами, но это себя более чем оправдывает. За вами же по-прежнему

оставалась близкая вам коммерческая сфера, мелкие и средние предприятия. Должен признаться, что я рад избавлению от нашего любимого должника-завода, хотя долги его явно проданы дешевле, чем нужно...

У Васканяна екнуло сердце. Президент на что-то намекает? Что-то прознал? Его ожидают шантаж или прямые угрозы?

— Может быть, — с наигранной задумчивостью согласился Артур. — Но все равно это надежнее, чем ждать у моря погоды. Переговоры о согласовании нового графика погашения задолженности к успеху не привели. Наш вариант они явно не выдерживали. Поэтому предложение, поступившее нам, оказалось кстати. Первоначально, когда они вышли на Сухарева, то вообще предлагали шестьдесят процентов дисконта. Обидно, кстати, что дело, которое вел я, перехватил Сухарев. Это мне было не слишком приятно.

— Ну, значит, вы в этот раз вели себя снова жестко, забыв, что у вас уже нет мгновенного рычага на них, — назидательно ответил Бобров. Знал бы ты, президент, у кого чего не было и нет и у кого дисконт меньше.

— Может быть.

— Ладно, все равно уже проехали, — вздохнул президент. — Так все-таки чем же вас не устраивает ситуация в кредитах?

— Ситуация действительно изменилась, — у Васканяна отлегло от сердца, — новый человек знает свое дело и старается поставить работу в режиме конвейера. Но этот конвейер не моей сборки. С моими обязанностями отлично справится в отлаженном механизме любой другой. Я привык всякий раз решать новые задачи. Я проектировщик, а не рутинник.

— Новые слова в русском языке. Неологизмы. А под новыми делами вы понимаете продажу французских сливных бачков польского производства «под Италию»?

— Ну а почему бы нет! — развел руками Васканян. — Раз уж их так приняли сами, то так и реализовали. Госказна все стерпит.

— На мой взгляд, — Бобров откинулся в кресле, — в банковском деле не должно быть ничего экстраординарного. Все призвано укладываться в рамки обычной технологии. Банк по сути своей заведение наискущнейшее. Типа министерства. Творчество проявляется, наверное, только при создании нового банковского продукта. При создании, но не при его обслуживании. Разве не так?

— Возможно.

— Вот... И вряд ли у нас в стране возможно изобрести что-либо не существующее уже там, на Западе. Собственно, когда мы подбирали кандидатуру начальника кредитного управления, то руководствовались двумя критериями. Один из них — умение превратить наше авральное-индивидуальное кредитование в рутинно-нормальное.

— Каков же был второй критерий? — поинтересовался Васканян.

— Своя база заемщиков! — сказал президент. — Заемщики, способные проглатывать огромные кредиты под ликвидное обеспечение. Заемщика круче государства, которого притащил Худяков, попросту нет.

— У меня таких заемщиков даже близко нет, — признался Артур. — Никаких вообще нет, точнее говоря. Поэтому, по всей видимости, мне большой банк и не подходит.

— Но вы же в банк и уходите, надо полагать.

— По правде говоря, я сперва хотел реализовать один свой бизнес-проект, а уже потом вернуться в банковскую сферу. Ну, или не вернуться. Как пойдет. Если найду банк с опорой на креатив как залог роста.

— Залогом роста могут быть только деньги, свои и клиентские, а заодно связи. Банк, знаете ли, не картина и не симфония. Его не напишешь. И банк от вкуса публики в своем успехе не зависит. Новизна взгляда на вещи в консервативной банковской среде не приветствуется.

— Я и не спору. Но хочу попробовать. Тем более что для поиска денег и связей тоже требуется импровизация. И вдруг в итоге мне удастся и вас переубедить на своем примере.



— Это вряд ли, — отрезал Бобров. — Следите за высказываниями высших государственных чиновников. Помните, как Петр I обязал бояр не по-писаному говорить, дабы дурь каждого видна была. Умный был человек. Наш чиновник как чего без бумажки ляпнет, так государственную тайну и раскрыл. Премьер-министр как-то обронил, что Россия не страна лавочников. Учитывая, что до России этот господин управлял Газпромом, то для него все, что меньше этого Газпрома, — лавочка.

— И все в итоге, по-вашему, упрется в монополии.

— Конечно. И мелким не жить. Придется укрупнять банки. Сливать по три-четыре в один.

— Зато в новообразованном большом банке верховодить будет команда того маленького, кто работал эффективнее.

— Эх! — отмахнулся президент. — Это так на Западе. Там отдают свои банки в обмен на руководящие посты. Путь у нас будет иной: большие банки станут глотать мелкие. Причем даже не присоединять, а разорять и отбирать активы и клиентов. Ну или принудительно, под давлением государства.

— Жестоко. Однако тем интереснее борьба против гигантов на стороне обиженных и угнетенных.

— О! — тут Бобров рассмеялся. — Да вы не «лишний человек», а карбонарий-разночинец. Только запомните, что разночинцев, в отличие от карбонариев-дворян, вешали. Казнь низкая, не то что отсечение головы.

— Декабристов тоже вздернули, несмотря на голубую кровь. Но в памяти людей они остались благодаря девизу Рылеева «держайте!» и попытке дерзнуть, а не способом казни. Но, Николай Алексеевич, мы забрались очень уж в аристократические дебри, которые никак не вяжутся с рядовым уходом из банка менеджера среднего звена.

— Декабристы останутся в памяти невнятной идеологией, а заодно непродуманным и плохо организованным мятежом. Ну что ж, — президент снова стал серьезен и поднялся во весь рост, давая понять, что аудиенция завершена, — желаю вам успехов на новом месте. Приказ об увольнении я подпишу в установленный срок. Всего доброго...

«Обиделся, что ли, — подумал Васканян. — Кто меня тянул за язык? Мило беседовали, щеголяли друг перед другом познаниями в области истории и литературы, о вечном, можно сказать, говорили... А вышло так, что и руки на прощание не подали».

Да и ладно. От «Лавины» ему более ничего не нужно. Она обогатила его вполне достаточно. И деньгами, и опытом. В принципе от вызова к Боброву он ожидал предложения остаться, хотя и не представлял себе, на каких условиях. Повышением зарплаты его не удержать, а вакантных мест нужного уровня не было.

Наслышанные о его уходе, не отмененном даже после приема у президента, сослуживцы старались обходить Артура стороной, словно прокаженного. Они не жаловали крыс, бегущих с корабля, тем более что корабль вроде и тонуть-то не собирался. Напротив, он на всех парусах неся к новым горизонтам, несмотря на отягощенные добычей трюмы. Течи старательно не замечали.

Все оставшееся время Артур собирал подписи на обходном листе. Много подписей, целых шестнадцать штук. Особенно долго разбирались между собой служба охраны и управление безопасности, выяснявшие, кто же должен расписываться последним: безопасность, поскольку им искать потом увольняющегося, если за ним откроются грехи, или охрана, поскольку пребывание в банке заканчивается у его порога сдачей пропуска.

В последний день, когда все визы были собраны и оставалось только ознакомиться с приказом и сдать пропуск (охрана победила), когда рабочий стол Артура был пуст и чист (даже мусорное ведро из-под него забрали), ему принесли заветный приказ. Принес лично начальник управления кадров (обычно это происходило на уровне тормознутой девочки-инспектора по кадрам), улыбающийся непонятной подобострастной улыбкой.

— Ознакомьтесь, пожалуйста, Артур Николаевич! — Он протянул Васканяну бумагу. Артур пробежал текст глазами:

**Акционерный коммерческий банк «Лавина»  
(открытое акционерное общество)**

**Приказ по управлению кадров № 167\2-к  
26 августа 1996 года, город Москва**

- 1. Освободить Васканяна Артура Николаевича от должности заместителя начальника кредитного управления с 26 августа 1996 года.**
- 2. Назначить Васканяна Артура Николаевича на должность вице-президента с 26 августа 1996 года с окладом согласно штатному расписанию.**
- 3. Подчинить Васканяну А. Н. вновь создаваемый Департамент специальных проектов.**

**Президент АКБ «Лавина» Бобров Н. А.**

Артур остолбенел. Коллеги в какую-то минуту даже подумали, что его увольняют не по собственному желанию, а по «статье» тогдашнего Кодекса законов о труде. Полторы странички текста стали мощнейшим оружием работодателя в борьбе с лишними людьми, пьяницами, наркоманами, прогульщиками, болезненными гражданами, неумехами. Все страна боялась «статьи» при коммунистах. Народные суды были завалены исками о незаконных увольнениях.

Но Артура эта участь миновала. Хотя удар был настолько силен, что Васканяну едва хватило самообладания, чтобы расписаться в графах «ознакомлен» и «согласен».

Коллегам же стало просто не по себе, когда кадровик выхватил у Артура приказ и защебетал:

— Хозяйственники готовят для вас кабинет на третьем этаже в аппендиксе. Завхоз к вам в течение часа подойдет обсудить, какую мебель туда ставить. Мы в свою очередь получили приказ заполнить новый департамент людьми и хотели бы узнать, какие требования вы намерены предъявлять к сотрудникам. Когда у вас будет время...

Он еще что-то говорил, но Васканян был не в состоянии все это воспринять. Он отныне вице-президент. Девятый по счету.

Помимо остальных восьми вице, самого президента и главного бухгалтера, он одиннадцатый член высшего руководства банка. И теперь охрана при его появлении в здании будет докладывать начальнику смены «одиннадцатый прибыл». Он глава нового департамента. Он получил высшую оценку своих заслуг и своих перспектив. А пока просто было приятно наслаждаться завистливым ужасом этого кредитного быдла.

## 12

С тех пор минуло полгода. И вот сегодня настал день, когда Васканяну нужно представить на рассмотрение членов правления проект, работе над которым было посвящено все это время. Они этот проект утверждают, и сияющие вершины власти и славы откроются взору Артура.

Проект. Спецпроект. Суперпроект. Мегапроект. Гиперпроект. Собственно говоря, Васканян всего лишь пытался создать на базе банка финансово-промышленную группу (ФПГ). Задача исключительно творческая, поэтому президент его на эту роль и выбрал. Не мог же Бобров оставаться в стороне, когда крупнейшие финансовые магнаты России делили нефть, золото, газ, цветные и черные металлы, химию, кондитерские производства, оборонку. «Лавина», хотя и считалась большим банком, участвовать в этих величайших битвах за недра не могла. Но и пропустить второй, после ваучерной приватизации, раздел пирога тоже права не имела.

Васканян начинал с нуля. Бобров не знал, какая отрасль ему нужна, сколько денег он готов вложить надолго и без отдачи, кто и как будет всем этим хозяйством управлять. Словом, поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что, но чтобы ФПГ. Нормальная постановка задачи. Абсолютная самостоятельность, полный волонтаризм, совершенная свобода в сроках. Почти то, о чем мечтает каждый проходимец. Почти, потому что пока без бюджета.

Артур взялся за дело самым серьезным образом. Но его жажда деятельности отнюдь не означала «жажды службы». Будучи чертовски умным человеком, прекрасно понимая финансовое состояние «Лавины» как колосса на глиняных ногах с устойчивой тенденцией к снижению эффективности показателей в долгосрочной перспективе и равно наблюдая стойкую неспособность руководства банка нормально организовать даже внутренний процесс, Васканян не рассчитывал на устойчивое функционирование этой ФПГ под эгидой родного банка. И будущего альянс «Лавина» — промышленные предприятия не имел.

С другой стороны, банк на конкретный момент располагал всем необходимым для того, чтобы небольшую ФПГ собрать. Потому тактика Артура была беспроблемной: за счет «Лавины» сделать всю подготовительную работу, включая покупку предприятий и открытие им финансирования, а затем, когда «Лавина» будет уже дышать на ладан, продать эту ФПГ с собой в придачу как «ноу-хау» новому сильному хозяину. Этого хозяина он сам и найдет. Как минимум он заработает на перепродаже, а как максимум — не исключено, что именно его оставят регентом в созданном им мини-королевстве. Даже если вся затея не выгорит, что ж, Бобров все равно платит ему за эту работу.

И Васканян приступил. Объектом интереса был избран некий крупный химкомбинат, оказавшийся в паршивой ситуации. Компания — владелец комбината, на деле представлявшая собой бездарную финансовую пирамиду, благополучно разорилась и акциями комбината расплатилась с несколькими бандитскими группировками. Те теперь не могли понять, как им разобраться между собой и что вообще делать с самим комбинатом. Определенный интерес к нему проявляли российские дилеры западных гигантов бытовой химии, но они никак не хотели связываться с криминальной публикой. Васканян, имея за спиной, точнее говоря — над головой, «крышу» банка, таких контактов не побоялся.

Ему удалось собрать и бандитов, и директорат завода за одним столом. Вы, пояснил он бандитам, продадите свои акции

и сможете закрыть долги рухнувшей пирамиды. Вы, вдалбливал он комбинатовским управленцам, получите новое финансирование и развернете производство.

Бандиты согласились сразу, но намеревались поторговаться за цифры. Васканян посоветовал им не погибать, поскольку на этом комбинате свет клином не сошелся и банк может за просто двинуться в другом направлении. Разумеется, говорил он гораздо более мягко и обтекаемо, а для дополнительной уверенности рядом с ним сидел очень «авторитетный» друг «Лавины».

Директора комбината настаивали на гарантиях сохранения их полномочий при смене хозяев, на что Артур резонно заметил, что получить контрольный пакет банк мог и без консультаций с ними, равно как и скинуть их. Поэтому жест доброй воли со стороны «Лавины» не надо рассматривать как проявление ее слабости и согласие на базарную торговлю о сохранении кресел. К тому же, ехидно намекнул Васканян, если сделка сорвется по вашей вине, с вами разберутся ваши же обозленные «авторитетные» акционеры. Последний довод был особенно убедителен.

Васканян бросил бригаду вновь набранных людей на изучение финансового и производственного состояния комбината. Следом началось выявление его должников, кредиторов и смежников, их тотальное скрытое изучение. И бесконечные переговоры со всеми заинтересованными лицами на их территории. Артур мало спал, плохо ел, но сил не жалел. Согласие по всем пунктам достигнуто, протоколы о намерениях подписаны.

Настал черед правления. «Время одиннадцати». Великий хурал, как в шутку называли их в банке.